

Дем
Михайлов

ПЕРЕКРЕСТОК

ОДИНОЧЕСТВА

Часть 2

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Иллюстрация на обложке — *Елена Скиталец*

Михайлов, Дем.

М69 ПереКРЕСТОк одиночества. Часть 2 / Дем Михайлов. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172132-9

Мечты сбываются — и не всегда это к лучшему.

Гниловозу больше не приходится скучать от сытой рутинной жизни — теперь его ждет ожесточенная борьба за то, чтобы просто пережить хотя бы еще один день, а при удаче бонусом к этому будет тарелка горячего супа и стакан жиденького чая.

Так стоило ли это того?

Ему и еще двоим удалось задолго до срока покинуть летающую тюрьму, но, как оказалось, там жилось куда спокойней и сытней. Здесь же все иначе... ведь мир внизу далеко не так радушен, как наивно грезилось из кокпита высоко летящего тюремного креста...

Вторая книга цикла существенно расширяет вселенную «Креста».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172132-9

© Михайлов Д., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

— *Мой-то побойчее твоего будет! — В голосе стоящей по ту сторону невысокого забора старухи звучало неприкрытое удовольствие. — Давеча играют мой да твой у нас во дворе в мяч. Мой-то большой, крупный! Бух! Бух! По мячу раз за разом. Мячом о сарай как из пушки! Вот уж выкормила я так выкормила. Гордость берет. А твой сидит и смотрит, сидит и смотрит. Как птенчик квелый. За всю игру всего раз и ударил. И снова сел. И ведь еще и молчун! Мой-то внучек куда уж говорливей! С утра до вечера поет! Ты б своему попеняла — негоже таким тихим быть. Мой-то мужиком растет. А твой... — поняв, что слишком уж наговорила, старушка мелко перекрестилась. — Прости господи... ты уж не переживай. И твой вытянется да заговорит. Мож, и побойчее станет... Я уж как могла пыталась твоего вразумить. Да только он слушать вроде слушает, а сам мимо смотрит...*

Замолкнув, старушка решила перевести дух, выжидательно уставилась на бабушку. А та, медленно разогнув спину, оперлась о выглаженную ладонями рукоять таяпки и, глянув сначала на меня — сидящего с карандашом над дубовым поленом, — а затем на явившуюся хаятельную, наконец-то заговорила:

— Видела я вчера ту игру. Видела.

— Вот и я говорю! Мой по мячу бух! Бух! А твой сиднем сидит... и смотрит все исподлобья — будто завидует чему. А мой в чем виноват? В том, что родная бабушка души в нем не чаёт и каждый день пирогами да молоком потчует?

Словно и не услышав, бабушка продолжила тихо и неспешно говорить:

— Да только они ведь не в футбол играли, Матвеевна. Они мячом в городки играли. Сбивали стоящие у сарая чурки.

— Ну! Мой-то...

— Твой-то бьет и бьет. — В голосе бабушки добавилось жесткости, и говорливая старушка осеклась. — Бьет и бьет. Да все мимо. Мой же посидел, посмотрел. Потом встал, примерился и по мячу ногой вдарил. С одного раза все чурки и повалил. Так чего ж ему и дальше все бить и бить о стену? Пустой же говорливости касательно — а к чему нам такое горе? Молчаливый да приметливый, сил впустую не тратающий — как по мне, — вот будущий мужик. Ты, Матвеевна, меня знаешь. Поперед внука моего хаять не смей. И учить ничему не смей, а то наведаюсь к тебе в дом с этой тяткой и подлечу тебе спину.

— Да ты чего разъярилась... ты остынь...

— Ты трех сынов вырастила. И все тебя бросили. Дочка... разжиревшая корова, что два раза в год приезжает — весной внука оставить, а в конце лета забрать. Еще и деньги у тебя кланчит. Ну как? Довольна выводком цыплят родных? Хорошей воспитательницей им была? И видно, не хватило тебе, клуша... внуков так же растишь! Но то дело не мое. Моего не тронь! Слышала?!

— Да кому он сдался-то... ты остынь, остынь, говорю...

— Моего не тронь! — повторила бабушка. — Портить не дам! И сама пойми, наконец! В мужике не говорливость и суматошность пустая нужны. Да и ума палата ему ни к чему! Мужик деловитым быть должен! Думать о деле, делать дело, любить дело — вот это мужик! Неторопливый и обстоятельный! Сил впустую не тратающий! Но таково мое разумение. А ты живи как знаешь. Но моего внука языком ядовитым своим касаться не смей, клуша! Пошла отсюда!

— Да я...

— Пошла, говорю! И впредь чтобы не мой к твоему в гости ходил, а твой сюда пусть тащится! Геть! Пошла!

Бабушка топнула ногой, и сухонькую старушку как ветром сдуло. Опустив голову, я продолжил выводить жирную черную линию по ровно стесанному боку дубового полена.

— Получается?

Я молча кивнул и продвинул линию еще на сантиметр, почти завершив грубый контур будущего топорщица.

ПРОЛОГ

— Выбрасывай, — велела бабушка и ткнула рукоятью перехваченной тяпки в полено. — Что видишь тут? Трещина. А вот тут сучок. Это в баню снеси. А сам ищи новое полено — да выбирай с умом. Чтобы без сучков и трещин. И запомни: мужчина и суженую свою должен с умом выбирать. Бабу ладную. Без сучков и трещин. Чтобы по руке и по душе была. Понял?

— Понял...

— Иди. И не забудь — за баней капусту тебе полоть.

— Уже.

— Все три грядки?

— Да.

— Тогда дров к бане натаскай. Прихватило спину что-то — надо бы распарить ее хорошенько. Сделаешь? Не устал?

— Сделаю. Не устал...

ГЛАВА 1

— Я как подсек! Удилище выгнуло! Удочка трещит! Вот-вот сломается! Так я в воду! Удилище мягко на себя! Ох и помучился я тогда... но сазана вытащил, конечно. Рекордного! Положил его на травку у палатки, а сам глаз не отвожу — налюбоваться никак не могу! Красавец! Закурил, фляжку открыл. Только глоток сделал — и бах! В келье очутился... эх... Так вот и начался первый день моего сидения, — дребезжаще засмеялся древний старичок, именующий себя Данилычем. — Все сорок годков отмотал от звонка до звонка! Что ж уж теперь... так, как тебе, мне не повезло. Молодость на галерах прошла. Но я жив! Копчу небо помаленьку. А это главное, верно?

— Само собой, — с улыбкой кивнул я. — Главное — жить. Каждый новый день — уже победа.

— Ну ладно. Спасибо за шашки. Пойду кого-нибудь на сигаретку растрясу. А патроны... чего нет, того нет, Гниловоз. Уж не обессудь.

— Да чего там, — еще раз кивнул я. — Если узнаете, у кого они есть, и мне скажете — буду благодарен. Возьмите, Данилыч. Покурите.

Щелкнув серебряным портсигаром, я выудил одну сигарету из трех. Протянул старику. Пользы от старичка ноль. Только время мое потратил, рассказывая про свои рыбацкие будни.

— Ох, спасибо! — старик бережно принял сигарету.

Дальше последовал целый ритуал, за которым я наблюдал с интересом.

Сначала сигарета была осторожно опущена на каменный стол. Рядом поместили плоскую и длинную жестяную коробочку. В ней обнаружилась пустая пачка из-под сигарет «Золотая Ява» и газовая

зажигалка. Сигарета была перемещена в пустую пачку, жестянка тщательно закрыта «до щелчка» и убрана во внутренний карман старого заплатавшего ватника. Встав, Данилыч церемонно склонил голову.

— Благодарю, молодой человек!

— Да не за что.

Проводив шаркающего старика взглядом, я вздохнул и медленно нарисовал крест на имени «Данилыч», вписанном в клетчатый блокнот, выменянный на сигарету без фильтра. Данилыча рекомендовали как одного из надежных источников информации. Но ни на один из моих вопросов он не дал толкового ответа.

Вот здешняя настоящая валюта — сигареты!

Курильщиков много, а курева не достать. Слова Данилыча «пойду кого-нибудь на сигаретку растрясу» можно смело принимать за фантазии. Не дадут. Разве что в обмен на услугу или ценную информацию. И старика я угостил исключительно из добрых побуждений и уважения к его глубокой старости — восемьдесят шесть годков Данилычу. Местный старожил. И настоящий долгожитель — в здешних условиях-то...

Зря я возлагал на него такие надежды.

Убрав блокнот в висющую на груди небольшую сумку, застегнул все молнии, ручку сунул во внутренний карман кожаной куртки. Встав, отправился на поиски следующего кандидата на роль информатора.

Вопросы у меня простые. Но многочисленные.

Кто продает или меняет патроны?

Кто продает или меняет огнестрельное оружие?

Кто знает тонкости охоты на медведей?

Чем опасны снежные черви?

Это лишь часть интересующих меня вопросов. Вот только ответов я получил маловато. Поболтать здесь был готов каждый второй. И с радостью. Но толку от их ответов мало. А если кто и сообщал что-то интересное, следующий собеседник моментально опровергал это утверждение и с пеной у рта доказывал свою правоту.

Час назад я узнал, что медведям надо стрелять промеж глаз. Там у них тонкая костяная перемычка, пуля легко пробьет ее и войдет в мозг. В защищенное толстенной шкурой жирное тело палить без толку — пуля завязнет в жиру, и мелкая рана только взбесит зверя.

А через полчаса жилистый безногий старик, завсегда Холла, долго смеялся, услышав, что медведям надо стрелять в голову. Отсмеявшись, старик покашлял, держась за грудь, выпросил у меня леденец, после чего сообщил, что стрелять в медведя глупо. Разве что из мощного оружия — тогда толк будет. А так ничего не найти лучше старой доброй рогатины и тяжелого топора. Остановливаясь зверя рогатиной, и пока кто-то держит — подбегаешь сбоку и наносишь пару сильных ударов топором по хребту. После чего можно спокойно добивать обездвиженного зверя, а следом уже начинать спешно свежевать и грузить на нарты. Если же промедлить — сползутся снежные черви, и пищи пропало. Вмиг отгонят от распространяющей запах крови туши и все сожрут. Не уйдешь — и тебя сожрут. Воевать же против червей глупо. Проще уступить. А вообще — надо впрягаться и тащить тушу целиком. И свежевать ее уже под защитой стен Бункера. Но тут от размеров зверя уже все зависит.

Поразмыслив, я решил, что второй старик дело говорит. Я видел черепа здешних медведей... там кость в пять сантиметров толщиной. Без шуток. А сверху еще мясо, кожа, толстая меховая шуба... Клыков не имелось. Вместо них расположенные в несколько рядов тонкие острые костяные пластины. Как раз чтобы кромсать жесткое мясо снежных червей — основной источник пищи медведей. Да и не медведи это вовсе. Скорее киты, отравившие пару лап и таскающие себя по льдам в поисках пропитания или пары. Бывают весом в тонну и больше. Нижняя челюсть плоская, скользит при движении по льду — ею эти звери и зачерпывают червей, с хрустом их перемалывая и отправляя в пятикамерный желудок. Да уж... по медведям мне рассказали немало. Как-никак главная угроза в окрестностях. И главный источник пропитания для всех освободившихся сидельцев. Вот только охотятся как-то неумело...

Выйдя из барака, спустился по лестнице, миновал четверых зевающих охранников и оказался в Холле Свободы. Красиво назвали. И даже статуя имелась — грубо вырубленная из камня фигура получившего свободу узника, держащего в высоко поднятых руках два обрывка разорванной цепи. Статуя стояла посреди двух каменных лестниц, ведущих к собственно самому Холлу, представляющему собой большой зал с низким потолком. В противоположной от меня стороне располагались сейчас закрытые большие ворота.

Миновав статую, уселся на одну из ступенек, не забыв положить под себя кусок ватника. Камень холодный, болеть же не хочется. С высоты лестницы задумчиво осмотрелся, выбирая из многочисленных целей наиболее многообещающего собеседника.

Мысли невольно вернулись в недавнее прошлое. К моменту, когда мы прибыли сюда две недели назад.

Побег удался. Мы — я, Шериф и Красный Арни — обрели долгожданную свободу, успешно покинув воздушную тюрьму. Во всяком случае, так мы думали тогда. Но чуть позже столкнулись с проблемой. Крест посадить не удалось. У самой земли он вдруг заартачился. И отказался приближаться к земле ближе чем на сто метров. Борясь с управлением, я понимал — вот-вот к нам нагрянут еще несколько тюремщиков, жаждущих выяснить, что произошло с их товарищем. И в этот раз они придут большим числом и с куда лучшим вооружением. Решение требовалось принять немедленно. И предупредив Шерифа с Арни, я направил дергающийся крест на вершину высокого холма.

Решение оказалось не самым лучшим. А касание вышло далеко не мягким. Мы на полном ходу снесли вершину холма, вспоров себе брюхо, разбив кокпит, что-то оборвав в начинке креста. Летящая машина тяжело рухнула на склон и понеслась вниз. К счастью, это длилось недолго — через метров пятьдесят крест нагреб столько снега тупорылой мордой, что снежная куча сработала как тормоз и заодно послужила подушкой безопасности. Чуть придя в себя, начали подсчет ущерба.

Я вывихнул мизинец на левой руке, разбил лицо в кровь, синяков не сосчитать, жутко болела поясница.

Шериф и Арни отделались легче — на них двоих не больше десятка ушибов и ни одного перелома. Но им неплохо досталось при побеге, так что везунчиками их назвать никак нельзя. Нагрузившись пожитками, уложив Арни и Шерифа на импровизированную волокушу из одеял, я потащился вперед, ориентируясь по указаниям Красного Арни. Тогда-то и познакомился со снежными червями и медведями... чуть там и не остались. По самому краю прошли. Но добрались до гостеприимно распахнувшихся врат...

Да-а-а...

Прервав воспоминания, я встал и зашагал по лестнице, двигаясь на звуки становящегося все ожесточеннее спора.

— Твоя очередь! Твоя, тебе говорю! — хрипло орал трясущийся от холода старик.

Глянув на потолок, я увидел, что работает лишь одна линия ламп. Одна из трех. Стало быть, и система обогрева работает лишь одна из трех. О причине спора можно и не задумываться — опять из-за ненавистной очередности дерганья за рычаги лаютяся. Не хотят жизнью делиться.

— Не моя! Я семь дней назад дергал! Сегодня очередь Сипатого!

— Умер Сипатый! Вчерась похоронили! Совсем память отшибло?

— И что? Я семь дней назад дергал! Как ни крути — не моя очередь! — не сдавался старик, пряча руки за спиной.

— Я сегодня дежурный! И я тебе говорю — твоя очередь!

— Ну нет!

— Добрый день, — улыбнулся я и, протянув руку, опустил торчащий из стены рычаг. Дойдя до противоположной стены зала, опустил еще один рычаг. Стало куда светлее, с урчанием ожили системы подачи горячего воздуха. С облегчением и радостью загомонили здешние обитатели, сидящие и лежащие на пятиэтажных нарах, превращенных в личные неприкосновенные убежища. И этот закон соблюдался строго. Заберешься на чужие нары без ведома хозяина — огромных проблем не оберешься.

Холл Свободы...

Именно сюда мы попали, впервые войдя в распахнувшиеся ворота. Такова была традиция — когда к воротам впервые прибывает новый освобожденный, ворота для него распахиваются настежь. И плевать, что быстро улетучивается накопленное тепло. Плевать! Это ритуал. Устоявшаяся традиция. Стоит новенькому перешагнуть порог — и все, кто может встать, поднимаются и во все горло орут «Свободен!».

Я был оглушен диким ревом.

— СВОБОДЕН!

И меня пробрало до печенок. Я замер, глядя на орущих людей, стоящих и лежащих на нарах, стоящих у столов и все как один кричащих:

— СВОБОДЕН!

Только тогда я осознал — я больше не узник. Я свободен.

Когда ворота закрылись за нашими спинами, к нам никого не подпустили суровые и еще крепкие, но уже седые охранники. Позже

я узнал — Холл Свободы тот еще крысятник. Обнимая и поздравляя, жителям ничего не стоит украсть что-то из кармана. Не все, конечно, здесь такие. Но многие. И Холл Свободы не зря за глаза называют Поселением. Тут живут нищелюбы и те, кто совершил преступление, пребывая в Бункере.

Бункер... так его и называли.

Большое подземное сооружение, некогда бывшее пещерой, преобразованной терпеливыми и никуда не торопящимися руками бывших сидельцев.

Подошедшим старикам Красный Арни сказал пару слов. И те тотчас засуетились, послали вверх по двойной лестнице гонца,двигающегося со старческой неспешностью. Нас повели туда же — все те же крепкие старики, оказавшиеся охранниками, покрикивающие на пытающихся подступиться оборванцев. Еще тогда я понял — это настоящее гетто. Переполненное безнадежностью и подлостью. Да уж...

Это место до сих пор поражало меня.

Дернув рычаги, я остался рядом с последним. Едва минуло три минуты, дернул два рычага еще раз. И опять замер у стены, разглядывая Поселение и населяющих его жителей. Рычаги я дергал не доброты ради. Здесь никто ее не оценит — за редким исключением. Я дергал рычаги, чтобы привлечь к себе внимание, создать о себе мнение такого доброго парня, не боящегося ради остальных отдать немного жизни проклятым чужеземным машинам.

Длинные стены Холла представляли собой многоэтажные конструкции. Пять этажей пристенных нар. Перенаселенный муравейник. Одна стена женская, другая мужская. Каждое койко-место принадлежит одному из узников до тех пор, пока он не умрет. Или пока не будет изгнан — что, как выяснилось из разговоров, случается крайне редко, и подобным наказывают только за убийство или умышленное нанесение тяжелого ранения. Каждый раз проводят показательное судилище, выносят приговор.

Взгляд скользнул по серым занавесям — серым, жирным, заплаканным. Личные пространства напрямую отражают характер владельцев. Редко удастся увидеть внутреннее пространство занавешенных нар. Но если вдруг увидишь — сразу оценишь его владельца.

Вот нары с отдернутой шторой. Проветриваются. Самодельный матрас накрыт аккуратно сложенным одеялом, в каменной стене

выбита длинная полочка, там стоит свеча, лежит пара старых книг, сложенная одежда. Тут живет аккуратист, дисциплинированный и чистоплотный. А вон и он, кстати, сидит за одним из хаотично разбросанных по Холлу столов, играет с кем-то в шашки. Чистая шерстяная гимнастерка, в расстегнутом вороте видна красная футболка, на голове красиво сидящая шапка. И сапоги у него всегда начищены до блеска. И бреется он через день, подолгу правя на ремне старенькую опасную бритву.

На другой стороне Холла небрежно сорванная штора, в груди тряпья на нарах копошится серая от грязи старушка со всклокоченными седыми волосами. Ее прозвали Бабой Ягой. Поговаривают, что в прошлом она была каким-то ученым, подающим большие надежды. Но это с ее слов. Может, была ученым. А может, полы мыла в лаборатории. Правды уже не узнать. Опустившаяся старушка ненавидима многими — за источаемую ею самой и ее жилищем нестерпимую вонь. Любые увещевания и споры бесполезны.

Я дернул рычаги еще раз. Пусть помещение прогреется получше. Сейчас здесь никак не больше пятнадцати градусов тепла. Для стариков температура низковатая. Опять же, сыро. Кашель и хрипы раздаются со многих нар. Но жалеть здешних обитателей не стоит — если бы они исправно дергали все три расположенных здесь рычага, в Холле было бы куда теплее и суше. Вот только не хотят они. Лишь один рычаг из трех дергается регулярно — да и то только потому, что без него тут все выстудится и заледенеет. Умирать-то никому не хочется.

Раздавшийся звон гонга оживил сонное царство. А последовавший следом веселый крик заставил бабушек и дедушек двигаться побыстрее.

— Баланда с чайком! Баланда с чайком!

По лестнице спускались шестеро крепких мужиков средних лет, несущих носилки. Это здешние. Рожденные здесь. И нет — они не потомки тех, кто некогда пленил гигантское создание, заключив его в ледяной Столп, что высится над местными землями мрачной громадой горы. Нет. Они потомки узников. Тех, кто, получив свободу тем или иным путем — чаще всего чудом выжив при крушении, — был еще в возрасте, подходящем для деторождения. И для процесса зачатия. Эти потомки, подрастая, завели уже своих детишек.

Есть одна, но огромная и горькая проблема — тупые они. Здешние которые. Даже не тупые... недалекие? Тоже не то. И слова-то подходящего не подобрать. Не схватывают они, одним словом. Нет в них амбиций, нет стремлений. Я много про них наслушался за прошедшие две недели. А позднее убедился, что львиная доля всех рассказов — чистая правда.

Рожденные здесь очень долго развиваются. Ребенок начинает вставать на ноги только к четырем, а некоторые и к пяти годам. Говорить чаще всего начинают годам к семи-восьми. Некоторые только к десяти годам произносят первое слово. С пониманием тоже беда. Зато послушные. Исполнительные. Доброжелательные. Агрессии в здесь рожденных ноль целых ноль десятых. Дай пощечину тридцатилетнему бугаю — схватится за щеку и со слезами заревет. Большие дети...

Почему так?

СТОЛП.

Все грешат на него. Что-то самый главный здешний узник такое, мол, делает с окружающим пространством. Женщины с трудом беременеют, а когда рожают, то три ребенка из пяти мертворожденные. А рожденные живыми никогда не порадуют родителей блеском острого разума.

А ведь не рожать нельзя. Старость штука такая... рано или поздно самостоятельно обходиться не сможешь. Потребуется постоянный пригляд. И для этого отлично сгодятся не отличающиеся умом, зато сильные и выносливые детишки. Но есть что-то в этом необъяснимо подлое, противное — заранее знать, что твои дети вырастут умственно ограниченными, но не отказываться от их зачатия. Одно дело, когда родители узнают об аномалии плода в чреве матери от врачей и принимают взвешенное решение. Да и в том, нашем мире о таких детях заботятся, их рожают не в качестве будущих слуг. Вот уж буквальное воплощение присказки «чтобы было кому воды в старости подать»...

Спущенные по лестнице носилки с едой опустились на пол. Пришедший с шестью улыбочивыми мужиками старик в сером костюме под длинным черным шерстяным плащом демонстративно поправил галстук, сверкнув при этом браслетом золотых часов, коротко огляделся и взмахнул рукой.

— Баланда с чайком! Баланда с чайком! — без нужды повторил светловолосый мужик примерно моих лет с сонной безмятежностью в зеленых глазах.

Я дернул рычаги. И вернувшись к лестнице, поднялся повыше и снова уселся на кусок старого ватника. Сейчас расспрашивать стариков бесполезно — время обеда. Каждый из живущих в Холле три раза в день получал бесплатную пищу. По большой миске густого и сытного супа и солидной кружке горячего напитка.

Настоящий дом престарелых... бюджетный, дешевенький...

Черт... две недели назад угодив сюда, впервые стоя на пороге, ошеломленно щурясь от света и обрушившегося на меня дружного рева «СВОБОДЕН!», я на миг подумал, что попал напрямик в Вальхаллу. Я видел лишь смутные силуэты сквозь прищуренные веки. Вот он, воинский рай для достойных. И встретили нас самые настоящие Эйнхерии, те самые погибшие в бою доблестные воины, отобранные Одним для зала славы. Тут они пируют в обществе валькирий, поедая мясо вепря Сехримнира и запивая его медвяным молоком из вымени козы Хейдрун, что щиплет листья мирового дерева Иггдрасиль... Сейчас меня хлопнут по плечу и усадят за длинный пиршественный стол...

Но я быстро проморгался, огляделся, принюхался и понял, насколько сильно заблуждался.

Это не Вальхалла. Это трущобный дом престарелых.

Парни помоложе — работающие здесь беззлбные санитары. Старик в костюме и при золотых часах — здешний смотритель кухни. А все остальные — старенькие обитатели, покорно доживающие свой век. Или погибающие раньше своего срока. Вчера сорвалась со второго этажа нар бабушка, упав на спину и ударившись затылком. Умерла через несколько часов. Ее замотали в личные тряпки, обвязали. Собравшиеся вокруг тела старики угрюмо постояли, понимая, что вскоре столь же незамысловатая церемония будет проведена и по ним. Прочитали молитву, а следом тело умершей отнесли на здешнее кладбище и опустили в стылую яму. Те, кто решил проводить усопшую в последний путь — я был среди них, — крикнули вслед телу: «Свободна!»

Ну да... теперь она обрела настоящую свободу. Окончательную. Но как по мне — бабушка предпочла бы еще пожить пару годков.

Пусть даже в привратном Поселении, с его постоянными сквозняками и вечными сварами о рычагах.

Рычаги... рычаги... рычаги...

Никуда они не делись. Никуда. Зато здесь появился выбор — дергать или не дергать.

В Холле Свободы установлены уцелевшие агрегаты разбившихся летающих келий. Три такие системы спрятаны в глубоких нишах, пробитых в каменных стенах. Торчат рычаги. Все, что требуется, — разогнать все три системы до такого уровня, чтобы рычаги дергать приходилось пореже. И в Холле тогда всегда будет тепло и светло. Работа проведена гигантская, тяжелая, все сделано солидно. На, пользуйся, дергай рычаги и живи в тепле!

Не тут-то было...

Обитатели Поселения за рычаги дергать не желают. Потому как рычаги жизнь отбирают. И отбывшие по сорок лет в одиночном заключении старики больше не хотят быть «дровами», как они часто кричат в ссорах, касающихся рычагов. Чего я только не наслушался. Некоторые фразы даже записал.

Я тебе не дрова!

Другое полено поищи!

Мой уголек уже истлел! Дергать не буду!

Хватит с меня! Сорок лет в топке полыхал! Теперь пожить хочу!

Дергать не стану! Я человек, а не дрова!

Опять я? Ты меня за полено не считай! Сам дергай!

Я давно уж истлел! Не стану дергать!

Как мне удалось выяснить в разговорах, рычагов старики боятся до жути. И даже каким-то образом высчитали, что каждый рывок за рычаг отнимает у человека четыре дня жизни. Учитывая, что средний здешний возраст семьдесят лет... деньков жизни у стариков осталось мало. И отдавать их в обмен на тепло и свет никто не хочет. Уж лучше померзнуть, зато подольше пожить.

А еще эта страшилка про рычаги: что очень редко, мол, в чужеземном механизме происходит сбой, и тогда одно прикосновение к рычагу лишает тебя всей жизни. И падаешь на землю трупом. На этом моменте страшилки начинают добавляться подробности — труп мгновенно иссушается, волосы разом выпадают...

Смех, да и только. Но, как и у каждой страшилки, корни здешнего поверья растут из реальных историй.